

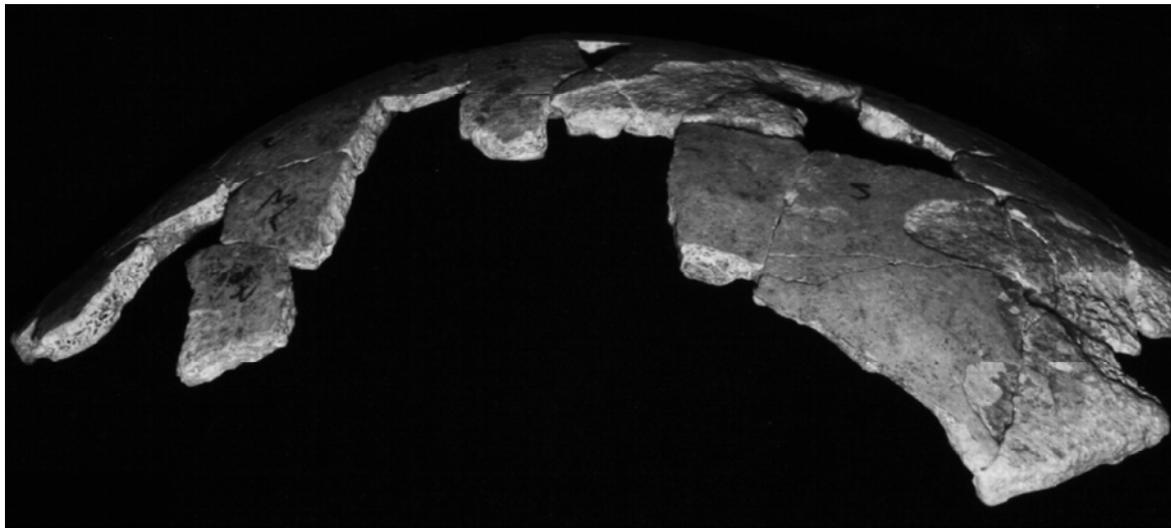
29. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ)

**Программа 29.1. Антропогенез и проблемы становления человечества.
Освоение человеком Евразии
(Координатор академик А. П. Деревянко)**

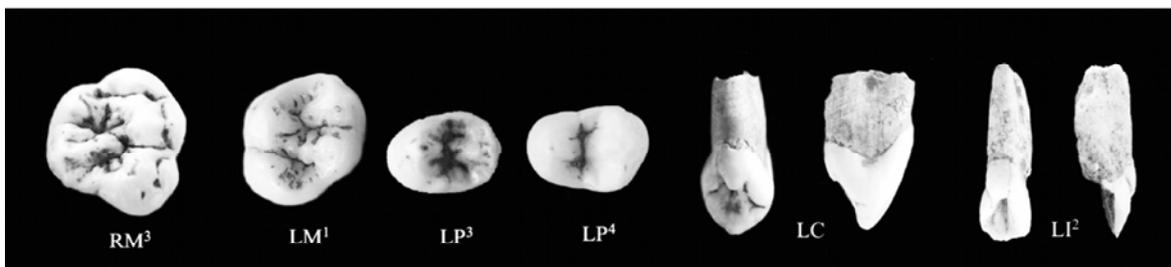
Исследованиями Института археологии и этнографии определен характер развития палеолитических традиций на территории Центральной Азии и доказана непрерывная эволюция культуры первобытного человека на протяжении последних 100 тыс. лет. Благодаря широкому использованию методов изотопного датирования установлено время зарождения верхнепалеолитической культуры и появления человека современного физического типа — около 50 тыс. л. н. Научной сенсацией стала первая в мире находка в 2003 г. костных останков древнего человека — носителя переходной индустрии (грот Оби-Рахмат, Республика Узбекистан). Проведенные совместно с Институтом ядерной физики и Институтом антропологии Венского университета (профессор Хорст Зайдлер) томографическое сканирование, трехмерное компьютерное моделирование, микроэлементный анализ, а также морфологическое изучение ископаемых человеческих останков, обнаруженных на стоянке Оби-Рахмат в Узбекистане, показали, что они обладают смешанными антропологическими характеристиками людей современного физического облика и неандертальского вида (рис. 1). На сегодняшний день можно дать два объяснения этому феномену. Оби-рахматский человек свидетельствует либо о гибридизации современного человека и неандертальца (ранее возможность подобной метизации считалась маловероятной, за исключением оценки и спорной интерпретации частей скелета ребенка

из Лагар Вельо (Португалия), датируемых 28 тыс. л. н.), либо демонстрирует постепенную сапиентизацию местного населения, что подразумевает независимое мультирегиональное становление человека современного вида. Кроме того, на этой стоянке в культурном слое с радиоуглеродной датой 44 тыс. л. н. обнаружен практически полный скелет пещерного льва. Это одна из немногих находок подобного рода на территории Евразии, дополняющая и расширяющая реконструкции взаимоотношений древнего человека с окружающей природной средой.

В том же Институте получены новые данные по возрасту технологий микрорасщепления и возникновения предметов искусства в палеолите Байкальской Сибири. На местонахождении Черемушник I на глубинах 7,5—8,6 м ниже уровня изотопного датирования 40 тыс. лет обнаружены артефакты, включенные в линзы галечно-кластического материала: скребла, скребки, альтернативные нуклеусы для пластин, микронуклеус технологии Ранко-си. Возраст артефактов более 60 тыс. л. н. На местонахождении Щапово (г. Иркутск) обнаружены артефакты из продуктов расщепления галек кварцита и вулканических пород. Ансамбль датируется более 39 тыс. л. н. В составе артефактов — обломок перфорированной плоской гальки эффузивной породы — амулет или украшение (рис. 2). Это — древнейший в Евразии предмет палеоискусства.

Реконструированная левая париетальная часть черепа оби-рахматского человека

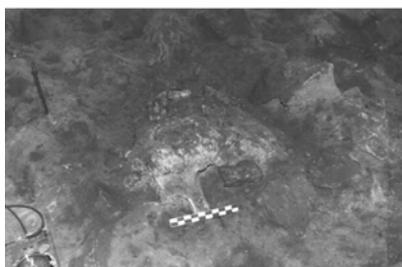
Зубы оби-рахматского человека

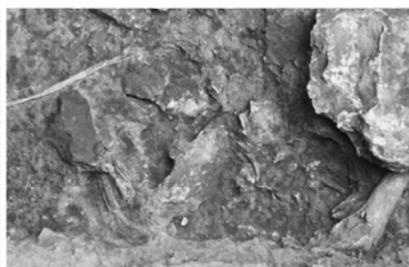
Верхняя часть пирамиды левой височной кости
оби-рахматского человека

Реконструкция (компьютерно-томографическое
сканирование) ушного лабиринта
оби-рахматского человека

Череп пещерного льва в слое 9
(~44 тыс. л. н.) стоянки Оби-Рахмат,
Республика Узбекистан

Скелетные останки
пещерного льва

Пещерный лев
(*Panthera leo spelaea*)

Рис. 1. Антропологические и фаунистические находки. Грот Оби-Рахмат. Республика Узбекистан.

Fig. 1. Obi-Rakhmat rockshelter. Republic of Uzbekistan.

Рис. 2. Каменная подвеска — древнейший в Евразии предмет палеоискусства.

Fig. 2. Stone pendant — the ancient exemplar of art in Evrasia.

**Программа 29.2. Археология, этногенез и этнокультурная история народов Евразии в древности и средневековье
(Координатор академик В. И. Молодин)**

В Институте археологии и этнографии разработана концепция формирования антропологического типа автохтонного населения Сибири, согласно которой древнее население Северной Евразии, относящееся к монголоидной расе, состоит из двух антропологических субстратов — рас второго порядка. Эти морфологические типы сложились уже к эпохе неолита (6 тыс. до н. э.) на территории Западной Сибири, а на рубеже эпох неолита — энеолита (4 тыс. до н. э.) — на территории Южной Сибири (рис. 3). Предлагается называть их северной и южной евразийскими расовыми (антропологическими) формациями. Им принадлежала ведущая роль в расогенезе постнеолитического населения Северной Евразии. Морфологические особенности северной евразийской формации прослежены практически без хронологических перерывов в антропологическом материале памятников от эпохи неолита до позднего средневековья, а также в основе антропологических типов современных групп населения Западной Сибири — представителей западно-сибирской расы. Морфологи-

ческие характеристики южной евразийской формации являются основой антропологического субстрата ранних кочевников Средней Азии и Алтае-Саянского нагорья (население раннего железного века Синьцзяна, Алтая, Казахстана, Тянь-Шаня и Алая). В современном антропологическом покрове они практически не обнаруживаются. Их исчезновение является, скорее всего, результатом интенсивных контактов и миграции больших массивов населения (хунну, тюрки и пр.), включающих иногда целые этносы.

В Институте проблем освоения Севера впервые обобщены сведения по традиционной одежде и костюму в целом всех групп хантов и манси за период XVIII—XX вв. Типологический анализ основных характеристик элементов одежды (материала, покроя, архитектоники и способов украшений одежды, обуви и головных уборов) позволил выявить общие и локальные особенности костюмных комплексов различных групп хантов и манси (рис. 4). Определено, что в костюме хантов более проявляются элементы аборигенного таежного про-

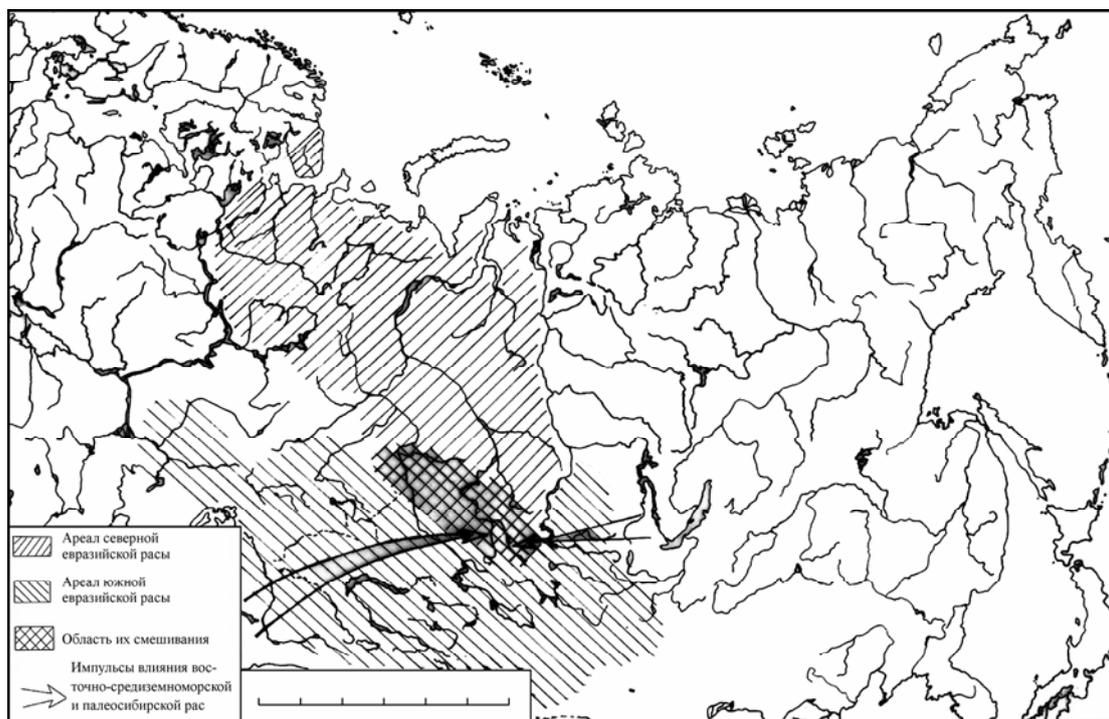

Рис. 3. Реконструируемые ареалы северной и южной евразийских рас, а также зона их смешения, подверженная импульсам влияния палеосибирской и восточно-средиземноморской рас. Реконструкция составлена по антропологическим сериям эпох неолита, бронзы, раннего железного века, при экстраполяции данных по современным этническим группам.

Fig. 3. Reconstructed areas of the Northern and Southern Eurasian races and the contact zone where these two races were affected by the Paleosiberian and Eastern Mediterranean races. The reconstruction is based on the anthropological data of the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages population extrapolated to the modern ethnic groups.

Рис. 4. Виды традиционной плечевой одежды обских угров.

Fig. 4. Kinds of traditional clothes of ugry of Ob.

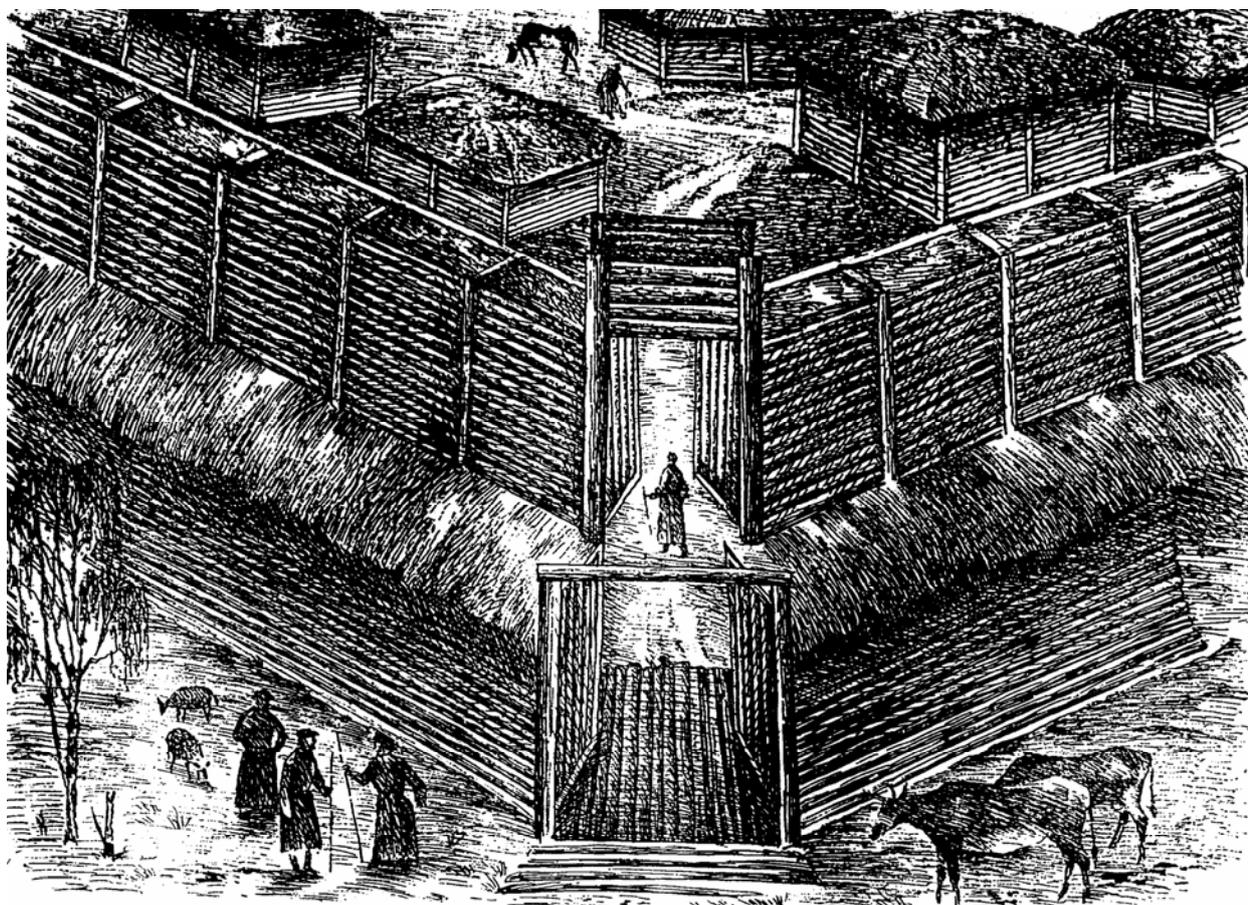

Рис. 5. Реконструкция оборонительных сооружений, въезда и части жилой застройки на Рафайловском городище.

Fig. 5. The reconstruction of defensive constructions, entry and the part of dwelling building of the Rafailovo site of ancient settlement.

исхождения, а у манси — кочевническо-скотоводческого. Локальные варианты костюма формировались у различных групп хантов и манси в процессе их расселения по таежной зоне Западной Сибири и взаимодействия с соседними этносами. Исследования подтверждают гипотезу В. Н. Чернецова об изначальной двукомпонентности культуры хантов и манси и ее формировании на основе слияния традиций древних охотников и рыболовов тайги и кочевников-скотоводов лесостепной зоны Западной Сибири.

Полученная в том же Институте совокупность наблюдений за стратиграфией и планиграфией сооружений Рафайловского и Коловского городищ, учет радиоуглеродных датировок, анализ распределения зоологических и археологических материалов позволяют счи-

тать, что, хотя городища существовали веками, их заселение не было непрерывным и ограничивалось несколькими годами (рис. 5). Возможен сезонный характер в использовании разных участков застройки. Периоды активной застройки и хозяйственной деятельности на памятниках раннего железного века приходятся на начальный и заключительный этапы саргатской культуры, причем и в течение этих наиболее благоприятных периодов жизнь на поселениях прерывалась из-за истощения земель вследствие перевыпаса, хищнического истребления фауны, а также из-за негативных военно-политических событий. В роли центров освоения и закрепления экономической зоны эксплуатировались другие укрепления на соседних территориях.

Программа 29.3. Экология и жизнеобеспечение народов Азиатского континента (Координаторы докт. ист. наук Н. И. Дроздов, канд. ист. наук В. А. Зах)

В Институте проблем освоения Севера на основании обобщения палеоэкологических и радиоуглеродных данных составлена итоговая схема изменения природных условий Тоболо-Ишимья в последние 8,5 тыс. лет (рис. 6). Она позволила доказать, что вариации геоморфологического расположения древних поселений и процессы освоения этой территории в первую очередь обусловлены региональными климатическими переменами, повлиявшими на палеогидрологическую и палеоландшафтную ситуацию в районе. Сопряженный анализ реконструированных природных изменений и геоморфологической приуроченности 380 памятников Андреевского и Мергенского археологических микрорайонов выявил, что в неолите (атлантическое потепление и снижение влагообеспеченности) наибольшая концентрация поселений и сплошные культурные слои отмечаются в прибрежных частях водоемов Тоболо-Ишимья. В энеолите (раннесуббореальное похолодание и увлажнение) поселения локали-

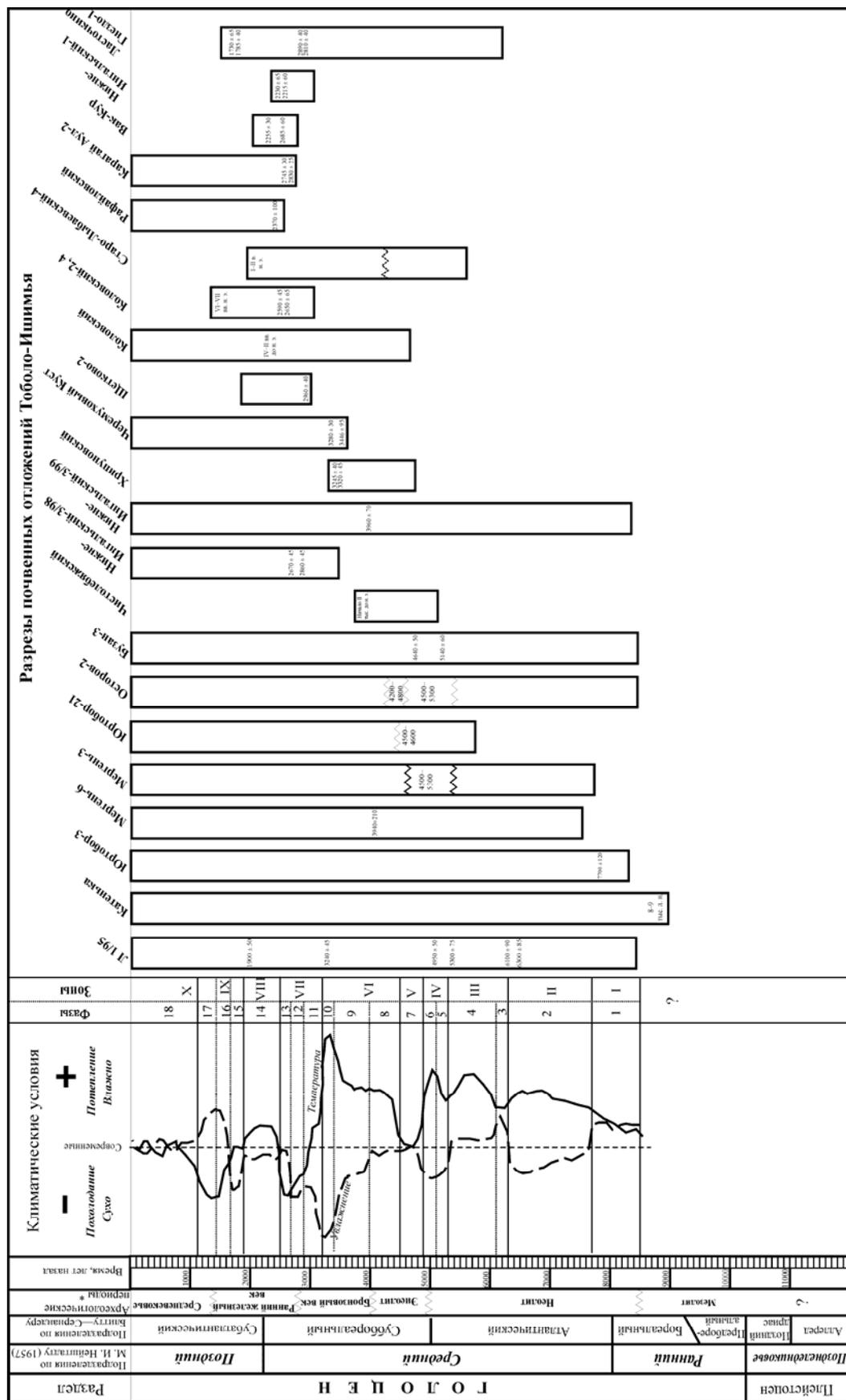
зуются уже на гривных останцах первой террасы и высокой поймы. В доандроновскую и андроновскую бронзу (среднесуббореальная аридизация) поселения приурочены к краю современных водоемов или находятся ниже современного уреза воды. В позднебронзовое время, несмотря на прохладно-сухие фазы климата, поселения переместились на гривовидные террасы далеко от воды. В переходное время и в эпоху раннего железа (чередование кратковременных сухих и влажных фаз раннеатлантического времени) неукрепленные поселки и городища располагаются в основном в глубине террас у небольших заболоченных понижений. В эпоху средневековья городища и могильники расположены на гривах у воды и в глубине террас. Колебания климата и, как следствие, смена ландшафтов приводили как к далеким, так и к близким миграциям северных и южных народов, формированию и ассимиляции этносов.

Программа 29.4. Культурное многообразие и взаимодействие народов Евразии. Мировоззрение и религии (Координаторы докт. ист. наук И. Н. Гемуев, докт. ист. наук А. В. Бауло)

В Институте археологии и этнографии разработана номенклатура восточно-славянских этнографических групп на территории Приобья, Барабы и Кулунды: конфессионально-этнографические группы русского происхождения с включением неславянских компонентов; территориально-этнографические и этнографические группы с конкретным и неконкретным сознанием своего происхождения (рис. 7). По материалам календарных обычаев и обрядов выделены модели этнокультурного взаимодействия близкородственных общностей русских, белорусов, украинцев юга Западной Сибири первой трети XX в.: в случае изолированного проживания старожилов и переселенцев; при незначительном притоке российских переселенцев; в случае, когда старожилы не составляли абсолютное большинство, а переселенцы являлись разрозненным в этнокультурном отношении массивом; старожилы получали подкрепление из близкой в культур-

ном отношении переселенческой среды и т. д. Обосновано преобладание процессов культурной интерференции в среде смешанного проживания русских, украинцев и белорусов на территории Западной Сибири.

В Омском филиале ОИИФФ рассмотрены основные элементы традиционного мировоззрения сибирских мусульман и образы народного ислама. Выявлено, что начало распространения мусульманства в Сибири находилось в общем контексте исламизации Золотой Орды и постзолотоордынских государств. Речь идет о длительном и противоречивом процессе адаптации официального ислама в среде традиционной культуры, в результате чего сформировался синкретичный религиозный комплекс, который можно назвать народным исламом. Доктринальные элементы официального ислама, приспособившись к местным религиозным

* По данным автором «Археологического наследия Тюменской области» (1995).

Рис. 6. Палеоклиматические изменения в голоцене, реконструированные по данным спорово-пыльцевому анализу отложений из разрезов археологических памятников Тоболо-Ишимья.

Fig. 6. Holocen paleoclimatic changes, reconstructed on the spore-pollen data from soil layers of archaeological sites in Tobol-Ishim region.

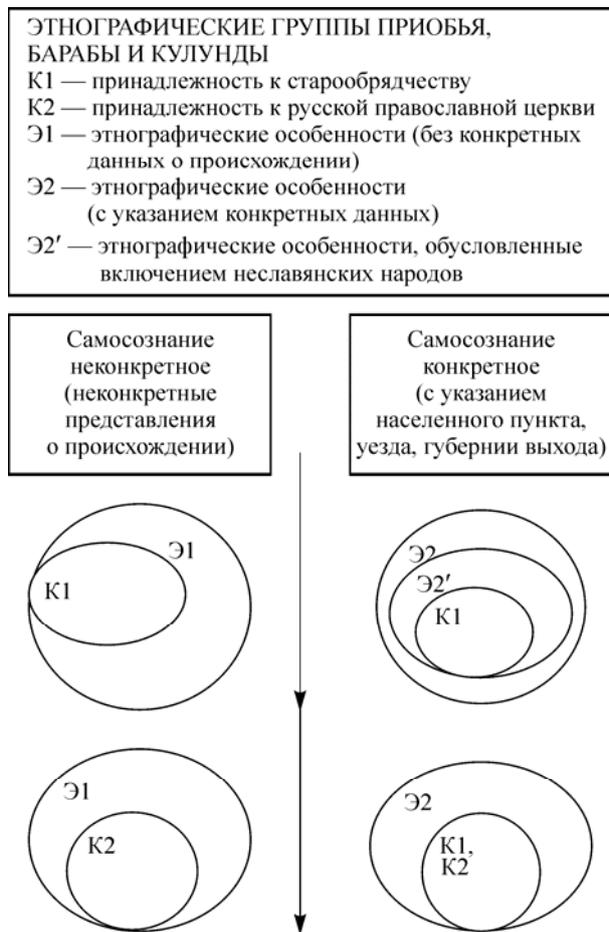

Рис. 7. Графическое изображение структуры этнографических, конфессионально-этнографических и территориально-этнографических групп.

Fig. 7. Graphic design of structure of ethnographic, religious and territories groups.

Рис. 8. Тарская татарка-мусульманка в одежде для пятничной молитвы начала XX в. (с. Уленкуль Большерецкого района Омской области). Одежда в соответствии с канонами классического ислама нарядна, закрывает полностью тело, за исключением кистей рук, однако лицо татарки открыто, что отражает неканонические нормы поведения.

Fig. 8. Tara-Tatar's Islamic woman dressed with a traditional ceremonial clothes of a beginning of XX-th century prepared for the Friday's Pray. These clothes closed body completely except hands, according to canons of classical Islam. However her face is opened, what connected with the «Popular Islam» more particularly (Ulenkul village, Bolsherechensk District, Omsk oblast).

представлениям и практикам, вплетаются в ткань традиционного мировоззрения, создавая цельный религиозный комплекс. Мусульманские каноны, разработанные на протяжении длительного времени исламскими теологами, сочетаются с традиционными нормами пове-

дения в этнических культурах (рис. 8). Народный ислам во всем многообразии его локальных особенностей и в условиях отсутствия единой церковной организации рассматривается как важнейшая составляющая часть исламской мировой культуры.